

18+

Илья Бровтман

# Эстафета любви

Илья Бровтман  
**Эстафета любви**

«Издательские решения»

**Бровтман И.**

Эстафета любви / И. Бровтман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988760-3

Любовь несёт искру жизни через века. Это своеобразная эстафета. В этой книге отслеживается такая эстафета, охватывающая больше трёх столетий. Герой каждой новой главы — плод предыдущей любви. Практически все сюжеты имеют историческую основу в виде загадок появления известных людей. Однако автор намеренно не называет имена, т.к. в произведении много художественного вымысла. Знатоки истории могут предположить, кто является прообразом героев, но считать книгу исторической ни в коем случае нельзя.

ISBN 978-5-44-988760-3

© Бровтман И.  
© Издательские решения

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Часть 1                           | 6  |
| Глава 1. Стольник 1671            | 6  |
| Глава 2. Император 1711           | 12 |
| Глава 3. Учёный 1758              | 16 |
| Глава 4. Казак 1779               | 20 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# **Эстафета любви**

**Илья Бровтман**

© Илья Бровтман, 2020

ISBN 978-5-4498-8760-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть 1

### Глава 1. Стольник 1671

В палатах царских скучно не бывало.  
Уже никто о смутных временах  
Не вспоминал, и времени немало  
Царь проводил в забавах и пирах.

Большой знаток охоты соколиной,  
Был молод царь, румян и полон сил.  
Ел сытно, пил изысканные вина,  
А постный день в молитвах проводил.

В простой рубахе, стоя на коленях,  
Три дня в неделю он поклоны бьёт.  
За кроткий нрав и истовость моления  
Его «Тишайшим» называл народ.

Но не был тихим он в делах державных.  
За время царства даже пядь земли  
Не потерял, и от викторий славных  
Страдали иноземцы короли.

И подданные тоже жили в страхе.  
Боялся православный человек  
Не Господа, а дыбы или плахи  
В раскольный и мятежный этот век.

Он не умел по-тихому любиться,  
И в плотских неуёмен был страстях.  
Душой и телом крепкая царица  
Его была всё время на сносях.

Двенадцать раз её хранила вера,  
И дюжину детей послала в дар.  
В тринадцатый, во власти Люцифера,  
Несчастную спалил родильный жар.

Был в трауре, молитвах и кручине  
Царь целый год, но за спиной скопца  
Жизнь продолжалась в женской половине  
Огромного кремлёвского дворца.

Оставила усопшая царица  
Без дела свиту. Вот уж целый год

Промаялись несчастные девицы  
Не зная, что их в жизни дальше ждёт.

Будь в вотчинах они своих боярских,  
Давно бы замуж выдали отцы.  
А нынче из мужчин в чертогах царских  
Лишь стольники к ним вхожи и стрельцы.

Жизнь пробегает. Плоть из сарафанов  
На волю рвётся. Расплести б косу.  
И хочется пока лицо румяно  
Дарить кому-то нежность и красу.

Девиц забытых от случайных связей  
Берёт пока что милостивый Бог.  
Одной из них вдруг стольник долговязый  
На душу неприкаянную лёг.

Он статен был и леп. Дрожа от страсти,  
Забыв, что он женат, детей не счесть,  
В ненастный день у Демона во власти  
Доверила ему девичью честь.

Для девушек такое увлечение  
Несёт порой не счастье, а беду.  
Они желают райских наслаждений,  
Но черти жарят за грехи в аду.

Обидно если разочарование  
Амуров ожидает на пути.  
От первого короткого свиданья  
Девушка умудрилась понести.

Не получив ни капли наслаждения,  
Сгубив свою девичью честь зазря,  
И оказавшись в трудном положении,  
Она решилась попросить царя,

Чтоб к батюшке родному из столицы  
В далёкое имение сослал.  
Для этого отважилась девушка  
Явиться для поклона в тронный зал.

Присутствующие притихли сразу  
И ждали, что разгневаётся он  
На этакую дерзость – без приказа  
Явиться к самодержцу на поклон.

В поклоне пояском застыла дева,

Касаясь, пола русою косою,  
Но царь смотрел на девушку без гнева,  
Сражённый небывалою красой.

Дождь сразу прекратился за оконцем.  
На небе тучи расступились вмиг.  
Как ясное полуденное солнце  
Сиял, искрясь, её прекрасный лик.

Царь позабыл про траур и про тризну.  
Весна порой приходит в ноябре.  
Ростки желаний новых, новой жизни  
Пробились в неприкаянном царе.

Цари быстры не только на расправу.  
В мгновенье ока пройден Рубикон.  
Все ахнуть не успели как любоваву  
Привёл к себе в опочивальню он.

Земля вращаться начала быстрее,  
И было по ночам светло как днём.  
А вскоре он ниспосланную фею  
Держал за руку перед алтарём.

Большие чувства на высоком троне,  
Взаимное влечение двоих,  
Большая редкость. Клятва на иконе  
Слова, когда весь мир у ног твоих.

Непросто обладателю короны,  
Познавшему немало женских тел,  
Стать на колени перед Купидоном  
И быть рабом его любовных стрел.

Двору и люду было чем дивиться.  
Такого чуда не бывало встарь.  
На склоне лет в прекрасную девицу,  
Как отрок юный вдруг влюбился царь.

Он шёпот сплетен, новости сороки  
Ценил не больше медного гроша,  
Когда принёс им аист раньше срока  
Крикливого, по-царски, крепыша.

В ней не было укора или злобы,  
Когда царица гордо как орёл,  
На сотника смотрела исподлобья,  
Который яства подавал на стол.

Секрета нет, что наша жизнь – качели.  
Как только ты обрёл значимый вес,  
Тебя он тянет вниз, и вдруг взлетели,  
Сидящие, напротив, до небес.

А тот, кто наверху на всех взирает,  
Сиянием своих надменных глаз,  
Как на букашек. Он не понимает,  
Что просто не настал падения час.

Они бы не поверили ворожке,  
Поведавшей о том, что на пути,  
Пересекутся часто их дорожки.  
Да так, что их вовек не расплести.

Тогда ещё не ведала царица  
Того, что царь, измученный войной,  
С тремя детьми оставив голубицу,  
Отправится навеки в мир иной.

Настанет время сотнику в столице  
Подняться до невиданных небес.  
Страною мудро править, а царица  
С детьми уедет за дремучий лес.

Держава словно конь, на нём гарцуя,  
Седок не должен быть суров и груб.  
Чем надевать серебряную сбрую  
Не лучше ль накормить, почистить круп?

Вот так и сотник вёл коня по свету,  
Забывая о любимом скакуне.  
Не запрягал в тяжёлую карету,  
Считая, что их много в табуне.

Не обижая плетью или шпорой,  
На сытом жеребце вперёд скакал.  
Но почему-то ропот и укоры  
От челяди не поротой слышал.

Пока никто не смог решить задачу,  
Зачем народу нужен звон меча?  
Так скучно людям на земле без плача.  
Ласкает слух и спину свист бича.

Так думал сотник, сидя возле трона,  
И силился державой управлять  
Так, чтоб никто не мог услышать стона,  
И видел от владыки благодать.

Но странный мир. Чем меньше гнёт престола,  
Чем жизнь привольней и сытнее люд,  
Тем больше было смуты и крамолы.  
Спине холопа видно нужен кнут.

К добру и правде мало интереса.  
Одна дорога ярке на алтарь.  
А в это время в горнице за лесом  
Входил в лета и силу юный царь.

Страна – кобыла, позабыв про негу,  
Покой и сытость, стала злее пса.  
Впрягая в непосильную телегу,  
Царь не подкинет сена и овса.

Настало время ввысь взлететь царице.  
Немилосерден тот, кто вверх летит.  
И сотника подальше из столицы  
Отправят в дальний заполярный скит.

Бывает героическое время.  
Страна ползёт на север и на юг.  
Под седоком трещит седло и стремя.  
Во весь опор летит буланный друг.

Какое дело всаднику до мыла?  
Царь должен гнать галопом без конца,  
А если наземь упадёт кобыла  
Он вскочит на другого жеребца.

Табун большой и будет расширяться.  
В других стадах ещё полно голов.  
И все кнуту готовы покоряться.  
Хватило бы уздечек и подков.

Когда твои копыта в прочных путах,  
А рядом громогласное ура,  
Тогда не до крамолы, не до смуты.  
Дожить бы, не издохнув, до утра.

И славит мир таких царей повсюду,  
Разрушивших чужую цитадель.  
И непонятно, что за дело люду  
До стран заморских и чужих земель?

Но грезится им вольница степная,  
Пьянящий цокот тысячи копыт,  
А главное – добыча неплохая

Их буйную головушку кружит.

Одевшему военные доспехи,  
Угроза и опасность нипочём.  
За мнимые химерные успехи  
Готов он пасть на жирный чернозём.

Зачем они идут на поле брани  
И держат меч, пока рука тверда?  
Запачканы в крови сердца и длани.  
И Демон правит балом как всегда.

Чудная жизнь. По войнам и походам  
Мы судим о величии царя.  
А тот, кто не губил в боях народы,  
Закончит жизнь в глуши монастыря.

## Глава 2. Император 1711

Великий муж, достойный громкой славы,  
Помазанник великого Творца,  
Печась о пользе для своей державы,  
Держал страну в узде как жеребца.

Проносится по Балтике галопом  
Могучая и доблестная рать.  
Остатки лучшей армии в Европе  
К османам стали спешно удирать.

Запрятавшись трусливо за Кораном,  
Король не помышляет о войне.  
Он знает, что не долго басурманам  
Озорвать на южной стороне.

В столице юной новая когорта  
Прошла по площадям, чеканя шаг.  
Ещё не сломлен крымский хан и Порта.  
Коварный и ещё опасный враг.

Зима не время для больших походов.  
Великий Император захотел,  
Пока не установится погода,  
Набраться сил и отдохнуть от дел.

Вокруг сугробы. Тройка удалая  
По тракту рысью бодрою летит.  
Округу бубенцами оглушая,  
Спешит в ней Император в дальний скит.

На снежные бескрайние долины  
Он направляет соколиный взор.  
Укутывает шубой соболиной  
Возница-проводник седой помор.

Далёкий путь, но вот конец скитаниям.  
Уже встаёт над севером заря.  
Трещат дрова, дымит парная баня,  
И вениками потчуют царя.

Поддали пару ловкие холопы,  
Потом обдали ледяной водой.  
Он колесил загаженной Европой,  
Но не встречался с чистотой такой.

Такое необъятное приволье  
Ты не найдёшь, объездив целый мир.  
Потом ему устроили застолье —  
В натопленных палатах знатный пир.

Хоть рыбу и не жаловал вельможа,  
Но рыбники из сёмги и трески,  
Он запивал горячим сладким кёжем.  
Брал кулебяк и пирогов куски.

Он ел уху, воложи и ватрушки,  
И говорил похвальные слова.  
От медовухи в деревянной кружке  
Немного закружилась голова.

Чтоб угоститься свежую икоркой,  
Ему пришлось расстёгивать кафтан.  
Когда внесли козули и тетёрки  
Он был уже изрядно сыт и пьян.

Хоть было занавешено оконце,  
Возможно, виноват немного хмель,  
Почудилось ему как будто солнце  
Кружило перед ним как карусель.

Оно его настолько ослепило,  
И обдавало свежестью росы,  
Что стало ясно: – это не светило,  
А девушка невиданной красы.

Его глаза ни разу не встречали  
Таких прекрасных голубых очей.  
Светилось небо в них, морские дали,  
И озаряли золотом лучей.

Румянились прекрасные ланита  
И ягодная спелость алых губ.  
Пьянящим соком грудь её налита.  
Как от лампы осветился сруб.

Она была в парчовом туалете.  
И понял он, мгновенно протрезвев,  
Что никогда ещё на белом свете  
Он не встречал таких прекрасных дев.

Вдали звучали дивных песен звуки.  
Она стояла, опустив глаза.  
Он подошёл и взял её за руки:  
– Как звать тебя, красавица, – сказал.

В печи горело на огне полено.  
Отсвечивалось пламя из очей.  
Она в ответ промолвила: – Елена, —  
И речь её журчала как ручей.

Звучал набат в груди у кавалера.  
Красою неземною поражён  
Он был. Дорогой Марса и Венеры  
Он взял немало крепостей и жён.

Девиц изрядно и отважных армий  
Он брал в полон, поставив ясно цель.  
Но взять на приступ как Азов и Нарву  
Не получилось эту цитадель.

Желая покорить её лобзанием,  
Он разглядел в её глазах испуг.  
И понял, что для этого создания  
Была девичья честь не просто звук.

Обвязывая путами искусства,  
Осадой долгой крепость обложил.  
Он, словно снова став юнцом безусым,  
Стремился к цели не жалея сил.

Лились ей в уши сладостные речи,  
Которые захватывали дух.  
А он кружил, расправив грудь и плечи,  
Вокруг неё, как молодой петух.

Девичье сердце таяло как свечка,  
И в горнице светлее стало вдруг.  
Стрелу принять готовилось сердечко,  
Когда Амур достал колчан и лук.

От этих стрел шаталась будто пьяна.  
Уж не звучал в ушах её укор.  
Ей стало тесно в узах сарафана,  
И вырваться стремилась на простор.

Им небеса уста соединили,  
Она нашла свободу в наготы.  
По телу руки нежные скользили,  
И мотыльки порхали в животе.

Считается, что свету тень – преграда,  
Но в жизни всё как раз наоборот.  
Приносит ночь блаженство и отраду,

А свет разлуку долгую несёт.

Его манили в путь дела короны,  
И, покидая северный причал,  
Не ведал, что во власти Купидона,  
Великого учёного зачал.

### Глава 3. Учёный 1758

Мы все плоды былого вожделения.  
Неважно ты монах, иль ловелас.  
Божественное таинство рожденья  
Бывает жгучей тайною подчас.

Как злаки колосятся над полями  
Божественная милость нам дана,  
Но как они переплелись корнями  
Не ведает ни Бог, ни Сатана.

Учёный с давних пор дружил с вельможей.  
Для них обоих было не секрет,  
Что князя дочь была с учёным схожа.  
Кто не грешил по молодости лет?

Частицы предков в каждом человеке.  
И князь не удивлялся, что княжна  
Сидела по ночам в библиотеке,  
Воруя просвещение у сна.

Смеясь над приключениями брата,  
Пропавшего в объятьях юных див,  
Читала философские трактаты,  
Французские романы отложив.

Пятнадцать лет. В мечтах о кавалерах  
Ночами не смыкают девы век.  
А Катерина с томиком Вольтера  
Мечтала встретить просвещенный век.

Балы источник праздности и скуки.  
Нет ничего глупее, и грубей.  
Она войти мечтала в храм науки,  
И посвятить себя всецело ей.

С учёным, познакомившись однажды,  
Волнуясь, от смущения бела,  
О мнении света, позабыв отважно,  
К нему в лабораторию вошла.

В движениях своих был очень ловок  
Учёный муж. Всё делал не спеша.  
В волшебный мир пробирок и спиртовок  
Влюбилась удивлённая душа.

Как маг огня, или факир индийский,  
Иль непокорный Зевсу Прометей,  
Держал учёный два огромных диска,  
Играя светом радужных огней.

Движением своих некрепких мускул  
Он мог переместить огромный шар.  
А миллионы маленьких корпускул  
Кипели в колбе, выделяя пар.

В клеёнчатом переднике Светило  
Пред девушкой стоял без парика,  
И некая безудержная сила  
Была в тщедушном теле старика.

Почти что пятьдесят. По меркам века  
Преклонных лет. Хотя душою юн.  
Он был высоким стройным человеком.  
Всегда сосредоточен и угрюм.

Она, мечту заветную лелея,  
Ходила мыть пробирки много дней.  
И вскоре упросила корифея  
Принять её помощницей своей.

Так вопреки обычному суждению,  
Вдруг стала лаборанткой княжна.  
С невиданным никем доселе рвением,  
Свою работу делала сполна.

И многому, учась, хотела чтобы  
Хранился этот маленький секрет.  
И, слава Богу, об её учёбе  
Не ведал долго вездесущий свет.

За днями дни в учёбе пролетели,  
Пока он о науке говорил,  
В созревшем, наконец, девичьем теле  
Кипели страсти в поисках любви.

С ним барышня была всё время рядом.  
Он говорил какие-то слова.  
Она его съедала томным взглядом,  
И плохо соображала голова.

Уже не лезло в голову ученье,  
И поняла несчастная княжна,  
Что в облаках безумного влечения,  
Она была по уши влюблена.

Она себя за это презирала.  
Легла ей на чело тоски печать,  
Но в жилах кровь бурлила и играла.  
Учёный начал это замечать.

Он тоже обожал её безмерно  
Как дочку, и желал ей лишь добро.  
Но часто по ночам в мечтах химерных  
Толкал его нечистый под ребро.

Под париком уже глава седая.  
Покрылись слабым серебром виски.  
Нас часто бес на глупости толкает,  
Когда в браде седые волоски.

Луна на небе в облаке купалась,  
И за окном шумел осенний шквал.  
Она щекой к руке его прижалась,  
И он её к груди своей прижал.

Наверно Дьявол помогал забыться.  
Не помнил то, что обнимает дочь.  
Глаза горели. Радостные лица  
Светились счастьем в сладостную ночь.

В пылу любви услышал он не сразу  
В ушах звучащий сатанинский смех.  
И только поутру вернулся разум.  
Он осознал воочию свой грех.

Сознание греха лишило силы.  
Померк пылливый ум и ясный взор.  
Он вскоре от горячки слёг в могилу,  
Похоронив навеки свой позор.

А девушку упрятали в поместье  
На время, чтобы скрыть её порок.  
И там, уже просватанной невестой,  
Она родила сына точно в срок.

Гремела балом свадебным столица.  
Была княжна мила и весела.  
А мальчика в казацкую станицу  
Кормилица навеки увезла.

На средства, что ей дали за молчанье  
Построила она просторный дом.  
В нём жил на радость ей малыш отчаянный,

**И вырос настоящим казаком.**

## Глава 4. Казак 1779

Где гладь речная берега размыла,  
В плену Эола шелестит ковыль,  
Летит по полю резвая кобыла.  
Из-под копыт её клубится пыль.

Течёт на юг привольно горделиво  
Спокойная могучая река.  
Навстречу без узды, впиваясь в гриву,  
Несётся тень лихого седока.

Всё ближе, ближе милая станица.  
Он будет дома до исхода дня,  
Но нужно у реки остановиться,  
Чтоб напоить усталого коня.

Степных цикад стрекочущие звуки,  
От быстрого движения устав,  
Он слушает, упав, раскинув руки,  
Вдыхая аромат душистых трав.

Над ним по голубому небосводу  
Ползут неспешно как стада коров,  
По пастбищу, заглядывая в воду,  
Разрозненные клочья облаков.

На солнце, наползая птичьей стаей,  
Похожие на лебединый пух,  
Они плывут, друг друга обгоняя,  
Туда куда их манит вольный дух.

Но гонят их не жесты чародея,  
А мягкое дыханье ветерка.  
Они похожи вольностью своею  
На эталон свободы – казака.

Что может быть прекрасней в мире бренном,  
Чем хлебопашец на земле своей?  
Никто его поставить на колени  
Не в силах, сына вольного степей.

Светило, огнедышащим драконом  
Обдало жаром. Парень без кальсон,  
С высокой кручи, словно лягушонок,  
Бросается в прохладный тихий Дон.

Гребёт казак своей десницей сильной,  
Не ведая, что ждёт его приказ.  
И вскоре он в седле, дорогой пыльной  
Поедет в полк казачий на Кавказ.

От материнских слёз промок немного,  
Сидящий ладно новенький бешмет.  
Змеёю извивается дорога.  
На поясе палаш и пистолет.

Кривая сабля с ручкой деревянной,  
Как старцы говорят: – вторая мать.  
Под кожаным седлом скакун буланный  
Готов под ним без устали скакать.

Вот полк, Кавказ, заснеженные пики.  
Кружится настороженно орёл.  
Избавившись от неудобной пики,  
Он засапожный нож себе завёл.

Всё непривычно жителю долины.  
Гортанный неприветливый язык.  
Покрытые кустарником теснины,  
К которым конь равнинный не привык.

Вокруг чудно. Нечастые аулы.  
Как держатся они на склонах гор?  
Седые горцы на ослах и мулах.  
Из под папах колючий злобный взор.

За что на них так злобно аксакалы  
Глядят? Чем неприятен им казак?  
Зачем у них у всех в руках кинжалы?  
Всё парень в толк не может взять никак.

Казак желает этому народу  
Поддержку оказать на их пути.  
Он им поможет обрести свободу  
И истинную веру обрести.

А им роднее козни басурмана.  
Они, не видя бесовских оков,  
Под властью неразумного Корана  
Воюют, вырезая казаков.

Они в горах сколачивают шайки,  
И нашу веру принять не хотят.  
Приходится их саблей и нагайкой  
Наказывать как малое дитя.

Вот и теперь доводится в ауле,  
Где спрятался какой-то местный Бек,  
Стоять на горной тропке в карауле,  
Чтоб не прокрался ни один абрек.

Неймётся им. Паси своих баранов,  
Води свои стада под облака.  
И не бросайся на людей шайтаном,  
Свои бейбуты, им воткнув в бока.

Вот давеча деревня вся уснула,  
А им дозоры наши нипочём.  
Зарезали беднягу есаула,  
А у него детишек полон дом.

Казак сменился. Скоро в караулке  
Попьёт чайку, сев за широкий стол.  
Свернула тропка. Кто-то в чёрной бурке  
Свалился сверху камнем как орёл.

В мозгу туман, он чует запах пакли,  
И скрылся мир за чёрной пеленой.  
Очнулся он в какой-то грязной сакле,  
Не чуя рук, сведённых за спиной.

Сверкнул кинжал, он на вершок от тризны,  
Не встретив двадцать первую весну.  
Какой позор, его впервые в жизни  
Лишили воли. Он сидит в плену.

Сверлят парнишку чёрными очами.  
Кинжал разрезал путы на руках.  
Гортанный звук с невнятными словами.  
Вокруг него пол дюжины папах.

По телу кровь из ран его струится.  
Едва теплица слабая душа.  
Ему джигит подал кувшин с водицей  
И небольшой кусочек лаваша.

— Зачем ты к нам пришёл юнец безусый? —  
Спросил чеченец с чёрной бородой, —  
Мы ж не явились к вам в аулы, руссы,  
Не помню я, чтоб звал к себе домой.

Вам что там, на равнине места мало?  
Ты саблю привязал под кушаком.  
Приди ко мне на лошади усталой,

Я угощу вином и шашлыком.

А ты как вор пришёл ко мне с кинжалом,  
И разоряешь мой родимый кров.  
Как чёрный змей своим булатным жалом  
Ты жалишь наших жён и стариков.

Земля отцов ни в чём не виновата.  
Зачем же нарушать её покой?  
А ваша пуля погубила брата,  
Убитого злодейскою рукой.

Законы гор суровы и жестоки.  
Приди в мой дом с добром, и ты кунак.  
Нам братом будет путник одинокий,  
Но кто убил отца мой кровный враг.

Кто брату моему направил в спину  
Свинцовый дар не ведаю совсем.  
И мне не суждено убить вражину,  
Но дух возмездия мой и глух и нем.

Я мщу уже почти четыре года,  
А в этом виноват ваш мудрый трон.  
Так кровниками лютыми народы,  
Не ссорившихся раньше, сделал он.

Что трон устроил, он не понимает.  
Ему глупцу наверно невдомёк,  
Что кровной мести нет конца и края.  
Так учит нас Великий наш Пророк.

Мы против Исы ничего плохого  
Не замышляем, о его делах  
Мы знаем из преданий Иегову.  
Он Бог и мы зовём его Аллах.

Вы служите мерзавцу Люциферу,  
Когда в огонь бросаете Коран.  
И обратить в свою святую веру  
Хотите правоверных мусульман.

Ты, надевая нам хомут на шею,  
Считаешь, что даёшь свои дары,  
Неся огонь дорогой Прометея.  
Ты, не читавший ни одной суры.

Но что ты можешь ведать об исламе?  
Едва ль юнец ты с библией знаком,

Раз топчешь нашу землю сапогами  
И нарушаешь свой святой закон.

Зачем ты тяжкий грех берёшь на душу?  
С мечом своим, явившись на Кавказ.  
А я свои законы не нарушу,  
Взяв кровь твою за кровь, а глаз за глаз.

Вы словно ненасытные гиены.  
Вам мало места на земле своей.  
А ваши аппетиты, несомненно,  
Могильщиками станут для царей.

Недолго покорённые народы  
Согласны будут жить в такой петле.  
Из зёрен зла взойдут такие всходы,  
Что мало будет места на земле.

Восстанут и чухонцы и поляки,  
Восстанет крымский хан и малоросс.  
Калмыки и мордва. От этой драки  
Прольётся море крови, море слёз.

Вернётся горем вам и штык, и пуля.  
Нельзя насильно никого крестить.  
А может лучше вам в своём ауле  
Порядок образцовый навести?

Тогда глядишь, и захотел бы кто-то  
Побыть у вас двуглавых под крылом.  
А если вы бедны, то нет охоты  
Сатрапа с плёткой приглашать в свой дом.

А как живётся людям под короной  
Способен видеть тот, кто не слепец,  
И кто не глух к мольбам и горьким стоном,  
Как душит ваш народ её венец.

Бесстыдная блудливая кокетка  
Коварством села на имперский трон.  
Забыты Бога глас, заветы предков.  
Булат гвардейцев – вот её закон.

Джигиту правоверному забава.  
Такое не увидишь в страшном сне.  
Потешная у вас, казак, Держава —  
Пол века бабы властвуют в стране.

Смешно смотреть на воинство Венеры.

Игрушечные сабельки в руках.  
У ваших безбородых офицеров  
Косички как у бабы в париках.

Я понимаю – форма для фемины  
Важнее, чем наточенный кинжал.  
И ходит ярче глупого павлина  
Напыщенный российский генерал.

Что вы дадите нашему народу?  
Какой порядок навести в горах  
Хотите? Что вы кроме глупой моды  
Нам принесёте? Нищету и страх?

Цари тюрьмой, Сибирью, кандалами  
До смерти запугали свой народ.  
Помещики кнутами, батогами  
Крестьян несчастных превратили в скот.

Нет, я не прав. Куда ему до стада.  
Две шкуры с барана нельзя содрать.  
Корову покормить сначала надо,  
А уж потом её за вымя брать.

С крестьянина, нагнав побольше страха,  
Для ненасытной алчности казны,  
В мороз сорвать последнюю рубаху,  
Способны эти слуги Сатаны.

У дев и женщин отбирая силой  
Их честь, наверно может лишь глупец,  
Когда они дарить, согласны милым  
Тепло своей души, огонь сердец.

От сюзерена требуется мало —  
Защитная и ласковая длань.  
За это с удовольствием вассалы  
Уплатят вам немаленькую дань.

Чем тучнее и сытее холопы,  
Тем больше и у барина мошна.  
Кобыла без овса не для галопа,  
А лишь для скотобойни рождена.

А для чего казна и люд приказный?  
Чтоб ел на злате властелин и двор,  
Жестокий мироед, мздоимец разный,  
Пузатый поп, а также плут и вор.

А как в такой большой стране иначе,  
Где городов и сёл не перечеть?  
За двести вёрст ты не услышишь плача.  
А если тысяч пять, и даже шесть?

Вот и вершит там суд наместник жадный,  
Не забывая и про свой карман.  
Столица видит только вход парадный,  
Внутри и сзади подлость и обман.

Казне всё время денег не хватает,  
Хотя течёт из золота река.  
К рукам злодеев злато прилипает,  
И много их в пути издалека.

И кажется столичному вельможе,  
Что, откусив очередной кусок,  
Он мощь своей державы приумножил,  
А то ему бедняге невдомёк,

Что чем страна размерами крупнее,  
Чем больше запрещений и оков,  
Тем меньше толка, и народ беднее,  
И больше нужно пушек и штыков,

Чтоб удержать народ в повиновении,  
И отбиваться от соседних стран.  
Всё может рухнуть за одно мгновенье.  
Живучей динозавра таракан.

Возможно, на штыках удастся Руссу  
Взойти, снеся аулы, на Казбек.  
Сидеть в седле великого Эльбруса,  
Убив нас всех, но это не на век.

Гора стоит всегда, стоит озёрце.  
Вот так же насмерть будем мы стоять.  
Стремление к воле не убить вам в горце,  
Как бег реки не повернётся вспять.

Казак лежал и слушал эти речи,  
Не зная, что джигиту отвечать.  
И думал: – для того, чтоб так далече  
Он ехал, родила когда-то мать?

Он с плугом дома жил, не зная горя.  
Ему неплохо было на Дону.  
И ничего плохого этот горец  
Не сделал, чтоб идти в его страну.

Чеченец продолжал: – ты слаб от раны.  
Здоровья у тебя на медный грош,  
Поэтому зарезать как барана  
Я не могу, ты может, сам помрёшь.

Сейчас ты шашку не поднимешь даже.  
Моя сестра присмотрит за тобой.  
Она промоет раны, перевяжет,  
Но если ты останешься живой...

Когда от края отойдёшь могилы,  
Зарезать в честной схватке я смогу,

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.